

ложение дел в мире. Очевидно, что этот мир является не только внемодельным, но и внелогическим: он не ограничен презумпцией «правильности», т. е. своего соответствия свойствам реальных объектов.

Вместе с тем постулату существования удовлетворяет единичный референт. Поэтому гипотетическая ситуация и содержащий ее мир постулируются как единичные. Придаточные со значением гипотетического условия допускают субститут *это* и имеют значение в о з м о ж н о с т е й [7, с. 533]. Они обозначают существование своего референта — возможного положения дел, т. е. в о з м о ж н о с т ь этого положения дел. Такая сингулярная возможность создает значение одноактности и экстраординарности, которое и отличает гипотетическую ситуацию (10) от модельной (9):

(10) *Представь себе: плывет по реке лодка.*

В последнем случае акцентируется специфичность объекта: плывет именно лодка, но может плыть и бревно, и утопленник. Это «определение через специфику» означает, что имя не отсылает к существующему объекту, а постулирует возможный объект с определенными свойствами, т. е., по Крипке, является «нетвердым десигнатором». Гипотетические высказывания, как и модельные, являются переключенными, но они вводят не один из возможных миров (положений дел), а единично возможный мир, нейтральный по признаку реальности / ирреальности. Это придает им совершенно особый статус среди высказываний: говорящий не несет ответственности за выполнимость и обоснованность гипотезы, т. е. за релевантность своего высказывания. В сущности это не высказывание, а т е к с т, который говорящий незаинтересованно формулирует: «Допустим, что А».

Тем не менее именно текст является элементарным (лишенным презумптивного фона) высказыванием. Это позволяет представить исчисление возможных миров как исчисление возможных текстов.

Модельное обобщение, порождающее М-миры, равнозначно отношению парадигматической эквивалентности (которое связывает, например, варианты одной фонемы). Положение дел А является модельным, если существуют возможные тексты «...А...» (реализующие символ А) и если актуальный текст является одним из этих текстов.

Логическая альтернативность эквивалентна парадигматическому контрасту (например, двух коррелятивных фонем). Положение дел В логически альтернативно положению дел А, если ни один из возможных текстов «...В...» не совпадает с возможным текстом «...А...».

Физическая достижимость эквивалентна синтаксической зависимости. Положение дел В физически достижимо из А, если существуют возможные тексты «А...В», т. е. если текст «А...В» является модельным.

В основе всех этих отношений лежит исходная возможность т е к с т а, который понимается чисто атрибутивно — как место символа или условие его реализации. Возможность такого текста ничем не определена, она постулируется. Это значит, что каждый текст предполагает возможность других текстов; реальность текста есть эпистемическая допустимость т е к с т о в.

Символ, принадлежащий другому тексту, находится в отношении «различения» (*differance*, по Ж. Деррида) с актуально употребленным символом. Для этого отношения существенно не то, что символ различает смыслы (тексты), а то, что он сам различается по смыслу. Символ В «различается» с А, если существует по крайней мере один текст «...В...», не совпадающий с текстом «...А...». Иначе говоря, если возможно у п о т р е б л е н и е В и это употребление создает другой смысл (имплицитует д р у г о й текст). Символ А в таком случае сигнализирует неупотребление В или «отсутствие наличия» В. Поскольку всегда возможно другое употребление того же символа, то каждый символ различается сам с собой («цитатность» знака по Ж. Деррида [9]).